

ВОСПРИЯТИЕ ВОЙНЫ 1812 ГОДА В МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Современные исследователи стали уделять большое значение культурным последствиям французского нашествия на Россию, например, анализировать его роль в создании национального мифа, национальной идентичности, осознании «русскости» не только идеологами, но и широкими массами. Используются достижения имагологии, начинают изучать и «образ француза как врага в коллективном воображаемом», и восприятие «киностранца-победителя» (который взял Москву). В этом отношении показателен приуроченный к 200-летию юбилею Отечественной войны выпуск «Французского ежегодника». В названии трех его статей фигурирует образ врага, еще в одной – образ противника¹. Похоже, тенденция образного восприятия войны 1812 года набирает обороты.

Тема войны с французом в устном народном творчестве также не обойдена вниманием гуманитарной науки, считающей фольклор одной из систем образов и представлений. Отклик на военные события прежде всего искали в исторических и солдатских песнях, преданиях, несказочной прозе. Иногда в этих текстах, особенно записанных у населения западных губерний, появлялся образ Наполеона-антихриста, а в сниженном варианте – Наполеона-колдуна или «знающего» (знахаря), и такой образ тоже стал предметом изучения². Однако вопрос о том, какие изменения произошли в мифологическом сознании народа вследствие вторжения иноземцев, практически не затрагивался. Хотя на его постановку наталкивают уже слухи о комете двенадцатого года, которая якобы предвещала большие неприятности: «Пометёт звезда землю русскую!» Хвостатая звезда возбудила толки о светопреставлении, послужила подтверждением взглядов об антихристовой природе Наполеона, актуализировала пророчества, откровения и предзнаменования. Не пытались также искать отзвуков Отечественной войны в фольклоре далеких от театра военных действий внутренних губерний России. Тем интереснее возникновение в представлениях вятских крестьян такого редкого персонажа нечистой силы, как французские лешие. В 1856 г. в некрасовском журнале «Современник» появилась публикация вятского священника М. И. Осокина под названием «Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии)», где, рассказывая о русских лесных духах, он упомянул и их французских собратьев. Поскольку текст, посвященный им, невелик, мы воспроизведем его полностью:

«Лешие ведут частые войны с лешими же, живущими не в нашем царстве, а потому и у них бывает солдатчина. Главный их атаман свою резиденцию имеет в Сибири. Он по ветру дает знать, какие лешие и из каких мест требуются к нему на службу: те тотчас оборачиваются лицом к Сибири и без всяких предварительных приготовлений идут в стан к атаману-лешему по сту верст в час. На походе они не делают ни роздыхов, ни дневок. Лешие не имеют ни пушек, ни ружей и на сражениях совсем не употребляют пороха, но ломают друг друга столетними деревьями, стопудовыми камнями, которыми нарочно запасаются для сражений, и которые, будучи брошены рукою лешего, летят в десять раз скорее пули на пятьдесят верст. Наши лешие воюют больше с французом лешим, которого владения как раз подходят к Сибири. Впрочем, за русских леших опасаться нечего: они всегда побеждают, хоть француза и собирается всегда вдсятеро больше против них. У тех нет, вишь, ни лесу, ни камней таких, какие водятся у нас, на православной Руси»³.

Появление образа «француз-леший» в тексте издания 1856 г. вряд ли свидетельствовало о немедленной реакции на события Крымской войны (1853–1856). Русским в ней противостояла коалиция во главе с французами и англичанами. И если эти события и оказали влияние, то только на активизацию и актуализацию уже бытовавших представлений, импульсом к возникновению которых, несомненно, стала война 1812 г. Об этом говорит и то, что русская нечистая сила воюет «больше с французом» и всегда его побеждает, хотя у врага десятикратное преимущество в военной силе.

Специалисты по имагологии (изучающие образ чужой страны, чужого народа; в данном случае – в сознании русских) уже отмечали, что французов, как и остальных чужестранцев, русские именовали «немыми», то есть немцами. По наблюдениям А. В. Чудинова, знакомство с реальными наполеоновскими солдатами не повлияло на фольклорные тексты⁴. Поэтому точное обозначение национальности – француз – свидетельствует о многом. Тем более – воплощение француза в привычном, исконно русском образе низшей демонологии.

Образ французского лешего не явен и проступает на фоне действий «наших» леших и нашего российского пространства. Французов больше, но они всегда проигрывают, потому что не имеют в своем распоряжении таких природных богатств – «столетних деревьев» и «стопудовых камней», которыми славится «православная Русь». У фольклора вообще география на свой лад: мифологизированные французы поселены «как раз» в Сибири. В данном случае можно согласиться с еще одним наблюдением Чудинова: «фольклорные французы почти неотличимы от фольклорных татар»⁵.

Кажется, срабатывает и аксиома имагологии о том, что во время войны происходит дегуманизация образа врага, ему придаются черты зверя, недочеловека⁶. Вступление французов на территорию России и захват ими Москвы превратил их в глазах русских людей в чудовищ, и зачисление их в разряд

«нечистой силы» понятно. Однако от бытовой галлофобии следовало бы ждать появления сюжетов о том, как мужик француза-лешего поборол или как Никола-угодник помог расправиться с французом-лешим. Построенные по такой схеме тексты действительно появились, причем задолго до наполеоновского вторжения в Россию – в связи с Альпийским походом суворовских чудо-богатырей. В своей статье Чудинов цитирует опубликованные еще в 1879 г. А. В. Елисеевым предания об А. В. Суворове, в которых великий полководец с помощью сверхъестественной силы одолевает французов, хотя враг вовсю использует чертей. Русская армия никак не могла взобраться по ледяным откосам гористой местности. «Дедушка» Суворов, «видя, что это работа хитрого черта, условившегося помогать французам за сто душ наших пленных, приказал своим солдатам прочесть молитву да осениться крестным знаменем – и чары разрушились сами собою, и батальоны наши бодро полезли на снежные вершины»⁷. На дихотомии: с нами «крестная сила», а с ними «нечистая сила» – построен рассказ о переходе русских войск через знаменитый Чёртов мост. Черт «то скрывал от взора наших солдат края провала, затемняя их каким-то адским дымом, то рушил с грохотом переброшенные нами мостины, то засыпал наших громадными снежными лавинами, то наводил на наших французские ружья и пушки и, наоборот, – отводил наши от врага». Командующий «отслужил молебен, осенил тьму крестным благословением и, окропив ущелье святой водою, уничтожил чары дьявола, крестом рассеял тьму, отвел неприятельское огневое оружие и приказал сделать неразрушимый мост из бревен, перевязав их шарфами офицеров и солдат, павших в сражении, так как вещи эти, снятые с пострадавших за веру, имели чудную силу, которая скрепила мост лучше железных болтов»⁸. Такая вот народная версия суворовской «науки побеждать». В преданиях, опубликованных Елисеевым, образ военачальника сочетает черты атамана-колдуна и православного священнослужителя, точнее, предстает в облике хорошо знакомого по сравнительной этнологии предводителя войска, исполняющего обязательные жреческие функции.

Снижение образа врага всегда происходит за счет сохранения для самих себя хотя бы человеческого достоинства или же путем героизации «своих», «наших» (например, с помощью сакрального). В верованиях же малмыжских крестьян соперники находятся в одной и той же ипостаси леших. Их противостояние помогает разобраться в особенностях мифологического осмысления реальности, присущих русскому народу. Война с Бонапартом стала суровым испытанием, всенародным бедствием, в ходе которого происходит не только умаление врага (они – демоны, а мы – ангелы). Нет, мы – тоже не святые, поскольку воюем, ожесточаемся и теряем облик человеческий. На подобную мысль наводят воспоминания А. Н. Муравьева. Этот участник военных действий вынужден был признать: «Все это сопровождалось с обеих сторон жестокостями... Одним словом, всех произведенных с обеих сторон ужасов описать невозможно. Люди сделались хуже лютых зверей и губили

друг друга с неслыханной жестокостью»⁹. А выручало русских сакральное, причем весьма разнообразное. Например, в рассказе о нечисти упоминается святая стихия матери – сырой земли, помогающей нашим лешим. Магический потенциал деревьев и камней, припасенных для французских леших их русскими соперниками, практически необорим, поскольку эти боевые снаряды впитали святость русской земли (ср. с силой упомянутых в предании о Суворове шарфов воинов, павших за веру).

Схватка леших не прославляет доблесть на поле брани. Скорее, она показывает, что ситуация войны переводит мир в «нечистое», нечеловеческое пространство. Моральное неприятие зверств, на которые пришлось пойти, присутствовало уже у современников военных действий. Хрестоматийную известность приобрел рассказ чиновника Л. о встрече с русским мужиком, мучимым угрызениями совести после массового убийства пленных французов. Рассказчик по делам службы отправился в разоренные войной районы и обрел ночной приют в крестьянской избе. Здесь ему пришлось отвечать на вопросы краснолицего крестьянина со всклокоченными волосами, и многочисленность этих вопросов поначалу сбивала Л. с толку. «“Панок, а панок!” – “Ну что тебе?” – “А что я тебя спрошу, французов-то много добито?” – “Много, – отвечал раздосадованный чиновник, – на то и война, чтобы бить!” Но крестьянин не мог успокоиться; он ворочался, кричал с вопросами. “Панок, а панок, а что я тебя спрошу, так убивать их французов-то можно?” – “Я же сказал тебе”, – с сердцем отвечал Л. – “Оно того... – приставал мужик, – хотя враги... землю разорили, а все же по образу и подобию...”». Автор этого короткого рассказа считает, что причиной назойливых расспросов являлся не информационный голод – простолюдином руководило чувство моральной ответственности за свои поступки: «Видимо упрекала его совесть, и он желал поверить сомнения свои гревшемуся чиновнику». Повествование продолжается рассказом мужика о казни вражеских солдат: «...наловили мы это их, французов-то, десятка два и стали думать, что бы с ними наделать, свести что ли куда, сдать что ли кому, да куда поведешь и кому сдашь? Вот и приговорили миром побить их. Тут он приостановился и, подумав, со вздохом продолжал: “Оно точно того, если бы он на тебя с ножом лез, ничего бы... а то смотрит как баран; как тут быть-то? Француз не баран, а все же человек, враг только, землю разорил. Вот мы и порешили.” – Тут он опять приостановился. “Выкопали в перелеске глубокую яму, повязали им французам руки и пригнали гуртом; стали это они вокруг ямы, а мы за ними стали; почуяли, знать, свою злодейскую участь и начали жалостно талалакать, точно Богу молятся; мы наскоро посовали их в яму да живых и зарыли. Веришь ли, панок, такой живущий народ, под землею с полчаса ворошились!”» Показательна концовка: «И мужик окончил рассказ свой молитвословием за многогрешную душу свою»¹⁰.

Тяжелые думы русского мужика, по воле случая превратившегося в зверского палача, о расправе с беззащитными пленными, навязчивые мысли по

поводу скверны смертоубийства могли подтолкнуть его к созданию образа противников как одинаковых супостатов-леших. Однако он был очевидцем прихода оккупантов и имел к ним собственный счет. В губерниях, расположенных в глубине России, люди получили возможность встретиться лишь с пленными солдатами Великой армии. Уникальные воспоминания о восприятии поверженного врага и отношении к нему провинциалов оставил житель города Соликамска А. Г. Кашин, который в военные годы был мальчиком-подростком¹¹. Около Михайлова дня (во второй половине ноября) 1812 г. в этот уездный город доставили партию пленных, и местные малолетки решили, что «их и надо бить, где бы только они ни встретились», развязав против двенадцати французов настоящую войну, перипетиям которой и посвящается большая часть воспоминаний Кашина.

В игровом поведении местных мальчишек встречаются неоднократные отсылки к войнам мифических леших, параллели и ассоциации с их действиями. Ими, как и атаманом лесного воинства, была налажена строгая дисциплина. Перед началом боевых действий «малолетки составили свой совет у Лапинской салотопни, на берегу Усолки, в глухом месте. На этом собрании было более 20 человек из других концов города». «Между нами, – сообщает рассказчик, – учреждено было свое начальство из прапорных, подпрапорных и десятников». «По приказу ребяческого начальства – продолжал он, – заведены сигнальные свистки, назначены пункты караулов, и установлен такой порядок, что как только завидят французов, идущих по улице, перекликнутся на свистках». Нарушителей военной дисциплины, решивших в одиночку противостоять взрослым французским солдатам, ждали серьезные разборки со своими: «...тех, кто по несчастию попадался в руки французов, своя братья на сходке порядком тузила, чтобы один или двое не затевали драки, но подкарауливали французов целою артелью, да слушали свое командерство»¹².

Соликамские недоросли понимали, что детские кулаки не могли действовать с такою силою, как кулаки закаленных в боях французских вояк. И припасли против них боеприпасы, напоминавшие снаряды леших. Конечно, ребята не имели мифических столетних деревьев и стопудовых камней. Ими были «заготовлены в разных местах улиц кучи камней, галек, кольев и тому подобнаго». «Дубина народной войны» достала французов и в провинциальном Соликамске. «...и спереди, и сзади посыплется на французов, как дождь, палки, камни, гальки и все, что попадало под руку или было в запасе», – описывал ребячью тактику Кашин. Пленные, по его словам, «не поддавались, они бегали за нами, хватали, а кого поймают, оттаскают за волосы и отбросят от себя пинком». После пяти, десяти или более подобных стычек «драчливые» французы начали сами бегать от преследований сорванцов, не выходили из своего помещения и стали жаловаться местной администрации. Городничий «обязывал домохозяев подписками, чтоб они удерживали своих детей от причинения обид пленным», однако те тайно помогали малышне выжи-

вать из города басурманов. При одобрении взрослых «неуловимые мстители» действовали так деятельно, что вынудили начальство вывести своих противников из Соликамска в село Красное. Несмотря на то, что потасовки с французами происходили на улицах города, в воспоминаниях Кашина природная среда присутствует с самого начала, когда он рассказывает о намерениях мальчишек скрываться от врага, если тот дойдет до их родного города: «...впрочем, можно и в лес убежать от супостатов, спрятаться так, что и не найдут, пожалуй на лесину можно влезть, не достанут, походят, походят по лесу и назад уйдут, а как уйдут, так мы и назад воротимся домой». Такое внимание к лесному пространству – извечному местонахождению леших – роднит мемуары соликамца с мифологическими представлениями Малмыжского уезда. Сходными в обоих случаях оказывается и непримиримое отношение к французам. Озорство товарищей детских игр Кашина основывалось на установке, «что как французы теперь есть и в Соликамске, то и здесь должна быть с ними война». Поддерживая память о ней, лешие из Малмыжского уезда продолжали вести бой с французом и побеждать.

Конечно, переживания мужика о своих душегубствах, проказы соликамских мальчишек напрямую не связаны с появлением текста о потасовках русских и французских леших. Однако они имеют ряд общих смыслов, а главное, характеризуют рожденную потрясениями 1812 г. атмосферу брожения умов, того коллективного воображаемого, в котором созревала фантазмагорическая картинка о баталиях лесных чудовищ. Похоже, что для мифологического сознания образ воюющих сторон в данном случае имел подчиненное значение. Солдат-леший представляет собой этаким автомат: «тотчас» следует приказу, в походе не делает «ни роздыхов, ни дневок», преодолевая расстояния со скоростью сто верст в час. Это сверхъестественные, нечеловеческие усилия. Представитель нечистой силы – сверхчеловек, вернее, идеальное по представлениям того времени оружие: он «ломит» противника, и рука у него такая, что брошенные ею предметы летят в десять раз скорее пули, поражая в радиусе пятидесяти верст.

Противоборство отечественного лесного «чудища» с его французским аналогом помогает оценить значение монстра как важного эстетического элемента мифологической системы. Роль нелюдя в данном случае не вполне традиционна, он не враг человечества – не провоцирует индивида, заставляя его страдать и проявлять либо слабости и пороки, либо мужество и стойкость духа. Не идет речи о «договоре с дьяволом», как в первом из цитированных преданий, когда французы обещали чертям сто душ русских пленных. В приведенном Осокиным отрывке мира людей вообще нет: нечисть противостоит не им, а друг другу. Произошло превращение монстра в главного героя, в символ Отечественной войны, причем с той и с другой стороны. Сам же процесс наделения воюющих сторон надприродными свойствами происходил уже на этапе начала военных действий. «Юное фантастическое воображение»

москвича А. Рязанцева, который оставил воспоминания о пребывании неприятеля в столице, уже в первые дни после объявления войны «рисовало французов не людьми, а какими-то чудовищами с широкой пастью, огромными клыками, кровью налившимися глазами с медным лбом и железным телом, от которого, как от стены горох, отскакивают пули, а штыки и сабли ломаются, как лучины»¹³.

Сюжет о войнах леших показывает мифологическое пространство как особое место пребывания исторической памяти о 1812 годе. У мифологии был свой метод мемориализации, собственные средства запечатлеть эпопею 1812 г. так, чтобы она могла сохраниться в совокупной памяти поколений. Рожденные ею мемораты придают истории разгрома французской армии яркость, живость и выразительность, без чего воспоминания о ней могли преждевременно потускнеть, а может быть, и исчезнуть. Давно, дескать, отгремели последние залпы орудий, а воинственные лешие, обходясь без пушек, ружей и пороха, все воюют с супостатом-французом, посягнувшим на русскую землю.

Примечания

¹ См.: Французский ежегодник – 2012 : 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года / под ред. А. В. Чудинова. М., 2012.

² См.: *Белова О. В.* Мазепа, Палий, Наполеон в народных легендах и преданиях // Живая старина. 2012. № 3. С. 7.

³ *Осокин М. И.* Народный быт в северо-восточной России. Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. Т. 60 : ноябрь – декабрь. Отд. : Смесь. С. 37.

⁴ См.: *Чудинов А. В.* С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник – 2012. С. 336, 355.

⁵ Цит. по : *Мильчина В. А.* Французские варвары, русские парижане и еврейские гаучо: конференция «Образ иностранца: французы в России, русские во Франции» // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 404.

⁶ См.: *Чудинов А. В.* Указ. соч. С. 350, 358, 364.

⁷ Там же. С. 354.

⁸ Там же. С. 355.

⁹ *Муравьев А. Н.* Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 122–123.

¹⁰ *Бр. В.* Рассказы из истории 1812 года // Русский архив. 1868. М., 1869. Ст. 1869–1870.

¹¹ См.: *Кашин А. Г.* Соликамск в 1812 г. и пленные французы // Пермские губернские ведомости. 1869. № 20–21.

¹² Там же.

¹³ *Рязанцев А.* Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 г. М., 1862. С. 42.